Богдан Зимненко

Международное право в судебной практике России: уголовное судопроизводство

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В статье кратко рассматриваются вопросы соотношения международного права и уголовного права Российской Федерации через призму решений судов РФ различных инстанций. Также рассмотрен вопрос соотношения общих и специальных норм международного права и их применение при решении уголовно-правовых вопросов. Автор – старший преподаватель кафедры международного права Дипломатической академии МИД РФ, кандидат юридических наук.

Библиографическая ссылка на данную статью: *Б. Зимненко.* Международное право в судебной практике России: уголовное судопроизводство // Российская юстиция. – 2003. – N 10. – С. 10–13.

В оформлении обложки использован дизайн обложек книг по игре Divide&Conquer. Данная книга является участником проекта «Испр@влено». Если Вы желаете сообщить об ошибках, опечатках или иных недостатках данной книги, то Вы можете сделать это здесь.

-
- УК РФ – единственный источник уголовного права России
- Запрещенные международным договором России
- Составная часть законодательства России
- Судебная практика в решениях Пленума Верховного Суда
- Общие и специальные нормы международного права
- Когда международный договор прекратил свое действие
- Обычные нормы международного права

До недавнего времени уголовное законодательство Российской Федерации (СССР) практически было «закрыто» для международно-правового влияния. Благодаря попыткам демократизации нашего общества, предпринятым в 50-60 гг., для влияния норм международного права «открылось» российское гражданское законодательство. Более 20 законодательных актов, носящих гражданско-правовой характер, предусматривали широко известную отсылочную норму, согласно которой если международным договором СССР установлены иные правила, чем предусмотренные законодательством, то применяются правила международного договора.

Однако ситуация начинает постепенно изменяться и в сфере уголовно-правовых отношений. Международное право не может

не влиять на состояние уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.

УК РФ – единственный источник уголовного права России

На нормативное содержание уголовного права России оказывали и продолжают оказывать влияние нормы международного права. В соответствии с ратифицированными нашим государством конвенциями в новый Уголовный кодекс были включены нормы, устанавливающие ответственность за нарушение равноправия граждан (ст.136), за производство или распространение оружия массового поражения (ст.355), за геноцид (ст.357) и др.

Но необходимо иметь в виду, что в силу п.1 ст.1 УК «уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс». Из данного положения вытекает очень важный вывод, согласно которому УК РФ является единственным источником уголовного права России. Нормы международного права не могут оказывать непосредственное регулирующее воздействие на возникновение прав и обязанностей у граждан России в сфере отношений, охраняемых уголовным законодательством. Поэтому национальный суд не может привлечь к уголовной ответственности человека за совершение преступного деяния, которое было определено в международном договоре и не было инкорпорировано в уголовный закон. К примеру, в случае присоединения Российской Федерации к Римскому статуту Международного уголовного суда 1998 года необходимо будет внести, в частности, в УК РФ более 35 новых составов преступлений, подпадающих под юрисдикцию Международного уголовного суда, а также внести изменения в действующие составы преступлений (к примеру, объем понятия геноцида по Римскому статуту не соответствует объему понятия геноцида, сформулированного в ст.357 УК).

Нельзя не согласиться с мнением профессора И. Лукашука, что «Международный уголовный суд может привлекать к ответственности за преступления, которые являются „преступлениями по международному праву и наказываются как таковые вне зависимости от того, наказуемы ли они по внутреннему праву“ (ч.2 ст.1 проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества). Что же касается государств, то они принимают меры, необходимые для установления своей юрисдикции прежде всего путем издания

соответствующих законов, и привлечение к уголовной ответственности производится на основе этих законов. Очевидно, во всяком случае пока, сохраняет свою силу римское правило „nullum crimen, nulla poena, sine lege“ (без закона нет ни преступления, ни наказания)» (Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. М., 1997. С. 81). Представляется, что данный принцип должен распространяться и на дела, касающиеся административных правонарушений. Более того, из ст.54 Конституции РФ непосредственно следует, что уголовная и административная ответственность может быть установлена исключительно законом, а не международным договором.

Запрещенные международным договором России

Однако необходимо отметить, что УК РФ содержит ряд норм, непосредственно отсылающих к международным договорам Российской Федерации. К примеру, согласно ст.355 УК уголовной ответственности подлежат лица за «производство, приобретение или сбыт химического, биологического, а также другого вида оружия массового поражения, ***запрещенного международным договором Российской Федерации***» (выделено мной. – Б.З.). В силу ст.356 УК уголовно наказуемо «жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, разграбление национального имущества на оккупированной территории, применение в вооруженном конфликте средств и методов, ***запрещенных международным договором Российской Федерации***» (выделено мной. – Б.З.). При рассмотрении дел по обвинению лиц в совершении вышеуказанных преступлений суд обязан будет изучить содержание соответствующих международных соглашений Российской Федерации.

Таким образом, несмотря на наличие общего правила, согласно которому единственным источником уголовного права России является национальный закон, можно утверждать, что в отдельных ситуациях существуют исключения, установленные самим законом, когда положения международного договора Российской Федерации непосредственно оказывают воздействие на квалифицирующие признаки преступления.

Представляется, что приоритет норм международного права мог бы осуществляться в отношении Общей части УК РФ. В случае если при рассмотрении дела возникает коллизия между положением, содержащимся в Общей части УК РФ, и нормой международного права, приоритет в применении должен быть отдан соответствующей международно-правовой норме. К примеру, п.2 ст.11 УК, предусматривающий, что действие Кодекса распространяется на преступления, совершенные на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации, противоречит не только Конвенции по морскому праву 1982 года, участницей которой является Россия, но и общепризнанному принципу международного права – суверенному равенству государств.

Составная часть законодательства России

Как известно, во исполнение п.4 ст.15 Конституции РФ новый УПК РФ 2001 года в ст.1 впервые предусмотрел, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Кодексом, то применяются правила международного договора». Представляется, что данная норма закона будет способствовать дальнейшему и эффективному применению норм международного права при осуществлении уголовного судопроизводства.

Однако, несмотря на то, что в ранее действовавшем УПК РСФСР отсутствовала специальная норма, предусматривающая приоритет применения норм международного права перед национальным законодательством, судебная практика свидетельствовала, что суды при осуществлении уголовного судопроизводства отдавали приоритет в применении международно-правовых норм, носящих процессуальный характер.

Президиум Верховного Суда РФ при рассмотрении в порядке надзора уголовного дела подчеркнул, что «по смыслу ч.4 ст.15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы Российской Федерации и в случае их противоречия нормам уголовно-процессуального права Российской Федерации надлежит руководствоваться ими» (Законность. 1999. N 7. С. 58). Необходимо отметить, что несмотря на отсутствие законодательного урегулирования юридической силы общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России правоприменитель здесь попытался самостоятельно определить место этих норм международного права по отношению к нормам внутригосударственного права.

В Научно-практическом комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР под ред. Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева отмечается, что «в соответствии со ст.15 Конституции РФ понятие фактических данных, полученных с нарушением закона, в определенных

случаях нуждается в расширительном толковании, так как в процессе производства по некоторым уголовным делам негативные последствия вызываются не только нарушением норм российского законодательства, но и норм международного права. Согласно п.4 ст.15 Конституции РФ они признаются составной частью правовой системы Российской Федерации и, следовательно, подлежат применению при расхождении между ними и внутренним законодательством» (Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР под ред. В.М. Лебедева, В.П. Божьева. М., 2000. Изд. 3-е. С. 56).

Следовательно, в отличие от уголовного права России в сфере отношений, регулируемых уголовно-процессуальным правом, нормы международного права должны действовать непосредственно и применяться правоохранительными органами Российской Федерации.

Судебная практика в решениях Пленума Верховного Суда

В своих разъяснениях по уголовным делам Верховный Суд РФ часто ссылается на международно-правовые нормы для обоснования своей позиции по существу рассматриваемого вопроса.

В постановлении от 29 сентября 1994 г. «О выполнении судами постановления Верховного Суда РФ от 27 апреля 1993 г. „О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей“, Суд подчеркнул, что „в соответствии со ст.9 Международного пакта о гражданских и политических правах каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно“ (Сборник постановлений Верховного Суда Российской Федерации. 1961-1996. М., 1997).

В постановлении от 18 ноября 1999 г. N 79 Пленум Верховного Суда РФ отметил, что «судам следует исходить из того, что несоблюдение сроков производства по уголовным делам существенно нарушает конституционные права граждан на судебную защиту, а также противоречит общепризнанным принципам и нормам международного права, которые закреплены, в частности, в ст.10 Всеобщей декларации прав человека, в п.3с ст.14 Международного пакта о гражданских и политических правах, в п.1 ст.6 ЕКПЧ» (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. N 1. С. 3). В связи с данными разъяснениями необходимо подчеркнуть, что стандарты, содержащиеся в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не относятся к общепризнанным нормам международного права. Нормы, сформулированные в указанном международном договоре, носят исключительно региональный характер и распространяют свое действие на государства, входящие в Совет Европы.

Судебная практика свидетельствует, что суды при осуществлении уголовного судопроизводства исходят из того, что международно-правовые нормы могут дополнять действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Кировским областным судом гражданин России был осужден за совершение ряда преступлений. Судебная коллегия по

уголовным делам Верховного Суда РФ отменила обвинительный приговор и дело направила на новое судебное рассмотрение, так как суд первой инстанции нарушил принцип гласности судебного разбирательства. Согласно ст.18 УПК РСФСР закрытое судебное разбирательство допускалось исключительно при наличии следующих обстоятельств: а) для соблюдения интересов государственной тайны; б) по делам о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста; в) по делам о половых преступлениях; г) а также по другим делам в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц. Однако суд первой инстанции провел закрытое судебное разбирательство при отсутствии указанных выше обстоятельств. Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об отмене кассационного определения и направлении дела на новое кассационное рассмотрение. Президиум Верховного Суда РФ протест удовлетворил, указав, что «вывод Судебной коллегии Верховного Суда РФ о несоблюдении судом ст.18 УПК РСФСР был сделан без учета норм Конституции Российской Федерации и международных пактов. В соответствии со ст.14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. публика может не допускаться на судебное разбирательство, когда этого требуют интересы сторон» (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. N 2. С.5). Как известно, указанное основание для проведения закрытых судебных разбирательств в настоящее время предусматривается в подп.4 п.2 ст.241 УПК РФ.

Следовательно, в дополнение к обстоятельствам, указанным в ст.18 УПК РСФСР, имелось еще одно обстоятельство, содержащееся в международно-правовом акте, которое должно было учитываться судами в дальнейшем при осуществлении уголовного судопроизводства.

Общие и специальные нормы международного права

Необходимо подчеркнуть, что Верховный Суд РФ исходит из того, что многостороннее международное соглашение соотносится с региональным международным договором как общая и специальная нормы. В случае если региональное международное соглашение содержит иные правила, чем многосторонний международный договор, то приоритетом в применении пользуются правила, содержащиеся в региональном соглашении.

Постановлением судьи Московского областного суда уголовное дело было прекращено на основании п.9 ст.5 УПК РСФСР и п.7 ст.14 Международного пакта о гражданских и политических правах. В кассационном порядке указанное определение оставлено без изменения, а частный протест прокурора – без удовлетворения. Судебная коллегия Верховного Суда РФ, рассматривая дело в порядке надзора, отметила, что «судья, прекратив производство по делу, ошибочно исходил из того, что императивная норма международного права применительно к данной ситуации сформулирована лишь в п.7 ст.14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Между тем в соответствии с п.1 ст.4 Протокола N 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Российской Федерацией, никакое лицо не должно быть вторично судимо или наказано в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое оно уже было окончательно оправдано или осуждено в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства. Однако в п.2 той же статьи Протокола дано разъяснение, согласно которому положения предыдущего пункта не препятствуют повторному рассмотрению дела, если есть сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела» (Законность. 1999. N 7. С.58).

Когда международный договор прекратил свое действие

По смыслу ст.5 Закона «О международных договорах Российской Федерации» частью правовой системы России являются действующие международные договоры. Если международное соглашение прекратило свое действие на международном уровне, то соответственно такое международное соглашение не должно продолжать действовать и применяться в рамках правовой системы России.

Жумуров и Коннов обвинялись в умышленном убийстве, совершенном с особой жестокостью, группой лиц по предварительному сговору из хулиганских побуждений. 3-й окружной военный суд возвратил уголовное дело в прокуратуру комплекса «Байконур» для выделения дела в отношении гражданина Республики Казахстан Жумурова и решения вопроса о передаче его правоохранительным органам Республики Казахстан. Для обоснования своего решения Суд сослался на п.6.12 Договора аренды комплекса «Байконур», заключенного 10 декабря 1994 г. между Российской Федерацией и Республикой Казахстан, согласно которому юрисдикция Российской Федерации распространяется исключительно на ее граждан-военнослужащих, лиц гражданского персонала Российской Федерации и членов их семей. В протесте прокурора комплекса «Байконур» ставился вопрос об отмене постановления судьи окружного военного суда, поскольку суд должен был руководствоваться не названным Договором, а заключенным на его основе Соглашением между Правительствами Российской Федерации и Республики Казахстан от 4 октября 1997 г. «О взаимодействии правоохранительных органов в обеспечении правопорядка на территории комплекса „Байконур“, ратифицированным Федеральным законом от 8 октября 2000 г. N 123-ФЗ. Статья 5 Соглашения относит к юрисдикции России рассмотрение всех дел о правонарушениях, совершенных на территории комплекса, за исключением преступлений, совершенных гражданами Республики Казахстан против Республики Казахстан, ее физических и юридических лиц. В силу ст.59 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года предыдущий договор применяется только в той мере, в какой его положения совместимы с положениями последующего договора, а при несовместимости положений, исключающей одновременное применение договоров, предыдущий договор в этой части считается прекращенным.

Таким образом, в этой ситуации подлежало применению Соглашение от 4 октября 1997 г., поскольку вопросы юрисдикции оно трактует иначе, чем Договор от 10 декабря 1994 г. (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. N 7. С.18-19).

Принимая во внимание, что окружной военный суд руководствовался положениями Договора от 10 декабря 1994 г., действие которых прекратилось в силу ст.59 Венской конвенции о праве международных договоров, Военная коллегия Верховного Суда РФ удовлетворила протест, а дело направила на новое рассмотрение в тот же суд.

Обычные нормы международного права

Верховный Суд РФ неоднократно обращал внимание на то, что несоблюдение норм международного права при осуществлении уголовного судопроизводства является основанием к отмене соответствующих судебных актов.

Военный суд Дальневосточного округа признал К. виновным в убийстве. Потерпевшая М. подала жалобу, в которой просила отменить решение суда и пересмотреть дело в ее присутствии, поскольку она не была ознакомлена с материалами дела, лишена возможности присутствовать в судебном заседании, выступать в поддержку погибшего сына, ходатайствовать о вызове свидетелей в суд. Военная коллегия Верховного Суда РФ в определении N 2-0109/99 отметила, что «согласно ст.52 Конституции РФ права потерпевших от преступлений охраняются законом, государство обеспечивает им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. В соответствии с Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г., лица, которым в результате преступного деяния причинен вред, должны иметь право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию причиненного вреда. Государства – члены ООН обязаны содействовать тому, чтобы судебные и административные процедуры в большей степени отвечали интересам защиты жертв преступлений путем обеспечения им возможности изложения своей позиции и рассмотрения ее судом на всех этапах судебного разбирательства. Всеобщая декларация прав человека (ст.8, п.1), Международный пакт о гражданских и политических правах (ст.14, п.1), Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст.6) также рассматривают судебную защиту как эффективное средство восстановления в правах независимым судом на основе справедливого судебного разбирательства, что предполагает обеспечение состязательности и равноправия сторон, в том числе предоставление им достаточных процессуальных правомочий для защиты своих интересов при осуществлении всех процессуальных действий, результат которых имеет значение для определения прав и обязанностей. Перечисленные нормы национального законодательства и международного права в отношении потерпевшей М. соблюдены не были. Исходя из изложенного, Военная коллегия отменила приговор Военного суда

Дальневосточного округа и дело направила на дополнительное расследование (указанное определение опубликовано не было; см. архив Военного суда Дальневосточного округа).

Указанное дело представляет интерес еще и в том отношении, что Верховный Суд РФ при рассмотрении уголовного дела применил не только договорные, но и обычные нормы международного права, содержащиеся, в частности, во Всеобщей декларации прав человека и Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью.

Правотворческая практика Российской Федерации свидетельствует о том, что Российской Федерацией заключаются международные договоры, положения которых непосредственно оказывают влияние на деятельность правоохранительных органов, включая суды. К примеру, в соответствии со ст.76 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. «каждая из Договаривающихся Сторон при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел судами учитывает предусмотренные законодательством Договаривающихся Сторон смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства независимо от того, на территории какой Договаривающейся Стороны они возникли». Следовательно, данная Конвенция непосредственно обязывает правоохранительные органы государства принимать во внимание смягчающие и отягчающие обстоятельства независимо от места их совершения (Действующее международное право. М., 1997. Т. 3. С. 119).

Верховный Суд РФ в постановлении от 25 апреля 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности» указал, что «судимости в других странах СНГ после прекращения существования СССР не должны приниматься во внимание при квалификации преступлений, но могут учитываться при назначении наказания как отягчающее обстоятельство в силу ст.76 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, уголовным делам от 22 января 1993 года» (Российская газета, N 104 от 31 мая 1995 г.).